

A woman with blonde hair styled in an updo with a diamond tiara and large earrings is seated at a chessboard. She is wearing a black dress with lace detailing and a necklace with a dark blue pendant. She is holding a white chess piece (a king) over the board. The background features a large painting of a man and a woman in period clothing.

Шёнк и Перел

by: *ЖАННА ПРОСЕККО*

18+

Шёлк и Сталь

Жанна Просекко

Шёлк и Пепел

«Автор»

2026

Просекко Ж.

Шёлк и Пепел / Ж. Просекко — «Автор», 2026 — (Шёлк и Сталь)

Она вернулась в Петербург, чтобы похоронить дочь. Но Император не отпускает её. Десять лет он владел ею, ломал, унижал. Теперь Мария де Метресс возвращается в свет — не как жертва, а как женщина, которая больше не боится. В чёрном шёлке, с католическим розарием в руках, она играет роль сломленной матери. Но внутри горит пепел. Она хочет только одного: вернуть сына и заставить Императора заплатить за всё. Рядом с ней — князь Белозерский, красивый, молодой, влюблённый. Он — её марионетка, сама того не понимая. А в тени Петербурга ждёт граф Александров — единственный, кто знает её настоящую. Но Император тоже знает. И он не прощает. Третья книга трилогии.

© Просекко Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Траур	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Жанна Просекко

Шёлк и Пепел

Глава 1. Траур

Особняк на Английской набережной встретил её тишиной.

Не той тишиной, что бывает, когда все спят, а той, какая поселяется в доме, где больше не звучит детский смех. Слуги ходили неслышно, опустив глаза. Шторы были задёрнуты, несмотря на ясный сентябрьский день. В гостиной, где когда-то стоял рояль, на котором она разучивала с Александрой простенькие французские песенки, теперь было пусто и сумрачно. Рояль вынесли — по приказу Императора, как ей сказала Жюстина. Зачем? Чтобы не напоминал.

Мария стояла посреди этой пустоты и не плакала. Слезы кончились ещё там, на Смоленском кладбище, когда она лежала лицом в мокрой от дождя траве и кричала так, что у неё сел голос. Теперь внутри было что-то другое — не горе, а холод. Такой холод, какой бывает в старых домах, где не топят печи. Он поселился в груди и не уходил.

Она оглядела себя в высоком зеркале, уцелевшем в прихожей. Траурное платье из чёрного шёлка, глухой ворот под самое горло, длинные рукава, никакого кружева, никакой вышивки. На голове — чёрная кружевная мантилья, на руках — чёрные перчатки из лайки. Она похудела ещё сильнее, скулы заострились, кожа стала бледной до прозрачности. Но глаза — те же тёмные, глубокие, — горели не лихорадочным блеском, а ровным, холодным огнём. Она больше не была той Марией, что уезжала отсюда. Та умерла вместе с дочерью.

Она медленно прошла по дому. Вот гостиная, где она принимала гостей, когда ещё играла роль счастливой фаворитки. Вот кабинет, где Император читал ей вслух французские романы — до того, как научился бить. Вот детская. Мария остановилась на пороге. Здесь всё ещё пахло воском и сушёными травами, которые Жюстина раскладывала от моли. Кроватка Александры стояла у стены, застеленная белым покрывалом. Рядом — сундучок с игрушками. Кукла, которую Мария подарила дочери на рождество, сидела на подоконнике, прислонённая к стеклу. В её тряпичных руках так и остался зажат маленький вышитый платочек.

Мария подошла к кроватке и опустилась на колени. Протянула руку и коснулась подушки, на которой когда-то спала её девочка. Ткань была прохладной, но ей показалось, что она всё ещё хранит тепло детской щеки.

— Сашенька, — прошептала она. — Прости меня.

Она не знала, сколько простояла так — минуты, часы. Воспоминания нахлынули разом. Вот Павел, маленький, с отцовскими глазами, смеётся и тянет к ней ручки. Вот Александра, тихая, серьёзная, прижимает к себе куклу и смотрит на мать с таким обожанием, что у Марии щемит сердце. Вот Император входит в детскую — редкий гость, — и дети замирают, как замирают зверьки перед хищником. Он поднимает сына на руки, а дочь не замечает. Мария помнила этот страх, это напряжение, это вечное чувство, что нужно быть настороже. Дом был полон призраков. И все они говорили на разные голоса: детский смех, плач, его повелительный бас.

Мария заставила себя подняться. Она не могла позволить себе раскиснуть. Не здесь. Не сейчас. Она вышла из детской, плотно закрыв за собой дверь, и направилась к лестнице.

— Жюстина, — позвала она.

Горничная появилась бесшумно, как тень. Она тоже была в тёмном, и её круглое, всё ещё румяное лицо осунулось от переживаний. Последние недели она не отходила от Марии, боясь оставить её одну.

— Слушаю, мадемуазель.

— Я хочу, чтобы в доме были кресты. Католические. В каждой комнате.

Жюстина замерла.

— Мадемуазель?.. Вы же всегда были...

— Я знаю, — перебила Мария. — Но теперь будет так. Прикажи, чтобы купили в католической лавке на Гороховой. И принеси мне розарий.

— Розарий?

— Чётки, Жюстина. Чётки. Я буду молиться по ним.

Жюстина не осмелилась возразить. Она тихо кивнула и вышла, а Мария осталась стоять у лестницы, глядя вниз, в полумрак прихожей. Она не была набожной. Десять лет она жила в православном окружении, но молилась редко и без веры. Теперь же ей нужно было что-то, за что можно уцепиться. Что-то, что принадлежало только ей и не имело отношения к нему — к Императору, к этому городу, к этой стране. Католичество было её детством, её Францией, её матерью, умершей, когда Мария была совсем маленькой. Мать была католичкой. И Александра, её дочь, крещённая по настоянию Императора в православие, в душе оставалась её, Марии, ребёнком.

Если Бог есть, думала Мария, то он, наверное, католик. Потому что православный Бог не мог допустить того, что случилось с её девочкой.

Она не произнесла это вслух. Просто подошла к окну и раздвинула шторы. Солнце ударило в глаза, и на мгновение она зажмурилась. Внизу, у набережной, стояла карета с императорскими вензелями. Напротив дома, на другой стороне улицы, прогуливался человек в штатском. Он делал вид, что читает газету, но Мария сразу поняла: это соглядатай. Император не верил ей. Не верил, что она вернулась навсегда. И был прав.

Ей было тяжело. Этот дом душил её. Каждая ступенька, каждая дверная ручка, каждый луч света, падающий на паркет, напоминал о чём-то: о детях, о дочери, о нём. Она не могла больше здесь находиться, но и уйти не имела права. Павел был здесь. А значит, и она будет здесь.

— Жюстина, — окликнула она снова.

Горничная вернулась.

— Да, мадемуазель?

— Приведи ко мне модистку. Самую дорогую, какую можно найти в Петербурге. Ту, что обшивает императрицу.

Жюстина удивлённо подняла брови.

— Но мадемуазель... вы в трауре.

— Я знаю, — ответила Мария. — Поэтому мне нужен новый гардероб. Траурный. Чёрный, но из лучшего шёлка. С кружевом. С вышивкой. Я не собираюсь выглядеть как монашка, Жюстина. Я мать в потерявшая своё дитя, но не вдовствующая императрица. Пусть приходит завтра. С самого утра.

— Слушаюсь, — кивнула Жюстина, всё ещё озадаченная, но не споря.

Павла она увидела после полудня.

Мальчик пришёл с прогулки в сопровождении гувернёра — сухого, длинного немца с бакенбардами и бесцветными глазами. Павел был одет в аккуратный синий сюртучок с серебряными пуговицами, белоснежные панталоны и лакированные сапожки. Он держался прямо, как маленький офицер на смотре. Но когда он увидел Марию, в его глазах что-то дрогнуло.

— Маменька? — произнёс он, и голос его был осторожным, как у человека, который не уверен, что перед ним не призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.